

Дмитрий ЧУГУНОВ

Родился в 1971 году в Воронеже. Окончил филологический факультет, факультет романо-германской филологии Воронежского государственного университета. Доктор филологических наук, преподаватель кафедры зарубежной литературы ВГУ.

Член Союза писателей России. Живет в Воронеже.

КАК ТЕБЯ ЗОВУТ?

...Золото со статуи богини стекло вниз, а слоновая кость потрепалась и покрылась тёмным налётом. Обугленные деревянные балки валялись в углах, засыпанные каменной крошкой, обломками колонн, грязными тряпками, в которых даже не угадывались остатки священных одежд и покровов.

Растерянные горожане стояли перед храмом и смотрели на него. Столетия протекли в его постройке и сиянии славы. Возвышающийся на холме, он таинственным образом притягивал к себе людей и царей, так что даже завоеватели, такие, как великий Крез, вкладывали частичку своего могущества в его будущую жизнь. Это было, но где всё это? Кто теперь позаботится о том, чтобы дикие звери не ушли прочь от города и не лишили охотников их добычи? Чтобы домашние стада и дальше тучнели? Чтобы травы и деревья росли и плодоносили каждый год?

А кому эфесские женщины принесут своё моление о долгом браке и счастливом чадородии? А как будут устраивать свои таинства жрецы? А где же будут решать дела земной жизни, где соберутся торговцы и правители?

Что случилось с их беломраморным красавцем-храмом? Почему его стены теперь в копоти, а на пепелище бродят тени и призраки?

...Царь родился, великий царь!

Боги знают то, чего не дано смертным. Боги умеют заглядывать в завтрашний день. Именно боги дали повеление основать его город, и *он* помнит об этом. Огонь, рыба и дикий кабан, как пророчествовал оракул в Дельфах. Рыбаки и сейчас ловят рыбу на тех же местах, что и во времена Андрокла. И кабан, выскочивший из загоревшихся кустов, почитаем всеми, он – символ города. Города под властью персов.

И сейчас есть пророчества. *Он* стоит в храме перед статуей Артемиды и слышит, как темнота шепчет *ему* прямо в уши. «Царь родил-

ся, великий царь!» Царь станет тем кабаном, что вскоре промчится по морскому побережью. И предаст огню и власть персов, и Сирфакса, прислуживающего им, и накормит город, и отменит дань, и вернёт его рыбу... Голоса шепчут, и смеются, и заклинают, и рокочут, и сталкиваются друг с другом, превращаясь из хора в невнятицу звуков, и умолкают, и снова рождаются... *Он* стоит перед статуей и ощущает внезапно зависть, и ненависть, и беспокойство.

...Заметив странную фигуру, возникшую на развалинах, горожане недоумевают. Отчего этот человек не плачет, и не рвёт на себе волосы, и не пытается разбирать завалы? Он гордо стоит на куче мусора и словно ждёт, пока на него обратят внимание. Да, обращают, вопрошают глазами: кто же *он*?

«Я тот, кто сжёг этот храм!» – гордо говорит он и произносит своё имя, однако оно тонет в рёве возмущённых жителей. *Его* хватают и тащат к жрецам.

...Это не ты – тот царь, шептали ему голоса. Это царь промчится огненным кабаном, разрушая и обновляя жизнь. А ты – всего лишь смертный, случайно прикоснувшийся к тайне, услышавший отзвук будущего. Ты оказался сопричастен тайне, в которую никто не поверит, потому что нельзя поверить в то, что песчинка столкнёт гору, что рыба выпьет океан, что малое победит великое. Но ты знаешь уже, и в этом твоя избранность. Смотри же, чтобы великое не разорвало тебя изнутри, ибо твой удел отныне – молчать, потому что в противном случае тебя посчитают сумасшедшим. Ты спрашиваешь, можно ли тебе будет рассказать об услышанном позже. Можно, но тебе всё равно никто не поверит. Все скажут, что ты, ничтожество, выдумал это двадцать два года назад. Ты просто будешь жить и знать. Молчать и знать.

...Желание славы – беспокойно, мучительно, истомляюще. Обида, непонимание. Боги ошибаются, обрекая его на молчание. Или же то не добрые боги, а злые духи, шепчущие ему непонятное? Он не песчинка... Или же они сами позабыли своё пророчество о песчинке, столкнувшей гору? Не о будущем царе, а о *нём* шептали голоса. И *он* повторит прошлое, *он* принесёт огонь, *он*, а не какой-то далёкий младенец, обретёт славу. Прометей однажды восстал против Зевса-тирана и обрёл славу. И *он* восстанет против голосов, *он* сделает так, что все услышат, узнают, поймут. А тот «великий царь»... когда он ещё придёт, если придёт вообще. Он может и заболеть, и умереть, и его могут отравить. Да и кто поверит в его звезду...

«Ты ли сделал это? Не оговаривай себя понапрасну, ибо ты признаёшься в чудовищном преступлении против богов и против города».

«Да, это я. Я поджёл статую Артемиды. От неё загорелось остальное».

«Для чего же ты сделал это, безумный? Боги ли помutilи твой разум?»

Смех знающего перед слепцами.

«Нет, они только подсказали мне...»

«Отведите его к истязателю. Он говорит непонятно, пусть помогут ему обрести ясность речи».

Смех, и боль, и боль, и снова боль...

«Для чего ты, безумный, кричишь только своё имя?! Кто приказал тебе поджечь храм?! Кто эти враги?!»

«Это я. Я сам. Вы будете знать и помнить меня, а не того царя, который придёт. Вы будете знать и помнить моё имя. Меня зовут...»

Хрип, булькающий кашель из отбитой груди...

«Оттащите его в угловую комнату!»

...Боги смеются. Иногда шепчут, иногда смеются. И они всегда выше.

Толпа на городской площади неистовствует. «Вот тот, кто осмелился поджечь храм Артемиды!» – кричит глашатай. Толпа надавливает на цепь стражников. Ненависть.

«Герострат, – кричит глашатай, – безумный в своей гордыне, признавшийся и не раскаявшийся, приговаривается к казни!»

Он, услышав, вздрагивает. О ком кричат? Силится поднять голову, выдавить из себя: «*Меня зовут не Герострат... Меня зовут...*» Сильный удар жреца сбивает остатки дыхания. *Он* давится кашлем.

«Никто и никогда не должен упоминать имени Герострата в книгах! – кричит глашатай. – Не смейте помнить имя безумного Герострата, сжёгшего из честолюбия храм богини Артемиды!»

Жрецы волокут его, истерзанного, к палачу. Тот пришёл из-за городских стен и ждёт, с мечом в руках. Пожалуй, впервые толпа испытывает любовь к палачу. Жрец внимательно смотрит на кощунника.

Тот ещё в сознании, хотя руки и ноги у него перебиты, а глаза почти не видят. *Его* не узнать даже близким, если они стоят где-то рядом, в первых рядах. Но *он* слышит голоса, крики, смех и проклятья. Слышит, как всадники срываются с места, выслушав приговор, и скачут в другие полисы, разнося весть: «Не смейте помнить имя безумного Герострата, сжёгшего из честолюбия храм богини Артемиды!»

Жрец наклоняется к приговорённому. Прислушивается.

«*Меня зовут не Герострат, – слышится прерывистый шёпот, – меня зовут...*»

Тогда жрец снова бьёт *его*, вынуждая замолкнуть.

Толпа раздражается радостными воплями, когда палач приближается к осуждённому...